

УДК 159.923.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-112-120

В ПОИСКАХ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Тимошин А.С.

Ульяновский государственный технический университет

432037, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается постепенная историческая трансформация феномена русской идеи как основы понятия «русская идентичность» с XVI до середины XX вв. Развитие идентичности в процессе роста и развития нации сопровождается кризисами, при прошествии которых, идентичность как феномен может менять своё содержание в результате свободного выбора её носителей, затем воспринимает опыт этого развития, обогащается новыми ценностями и смыслами, – и выкристаллизовываются новое содержание и понимание русской идентичности. В статье последовательно систематизируется в историческом контексте содержание русской идеи, начиная с инока Филофея (Москва – Третий Рим) и заканчивая марксизмом (большевизмом), анализируются причины его принятия русским общественным сознанием на определенный исторический срок. Критический анализ в данном этапе основывается на материале работ известного русского философа Н.А. Бердяева. В Статье определяется внутреннее развитие, аккумуляция основных идей и достигнутое на сегодняшний день понимание содержания русской идеи как одного из основных аспектов понимания русской идентичности.

Ключевые слова: русская идея, русская самоидентичность, кризис религиозности русского народа, марксизм как религия, русское крестоношение, соборность, христианская истина.

IN SEARCH OF RUSSIAN IDENTITY: A EXCURSION INTO THE HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT

A. Timoshin

Ulyanovsk State Technical University

32, Severniy Venec st., Ulyanovsk, 432037, Russian Federation

Abstract. The article deals with the gradual, historical transformation of the phenomenon of the formation of the Russian idea as the basis of the concept of “Russian identity” from the 16th to the mid-20th century. The development of identity in the process of growth and development of the nation is accompanied by crises, overcoming which the phenomenon of identity can change its content as a result of the free choice of its carriers; then takes up the experience of this development, becomes enriched with new values and meanings, and thus a new content and understanding of the Russian identity crystallizes. The article contextualizes the development of the Russian idea from the original one by the Monk Philotheus (Moscow is the Third Rome) to

Marxism (Bolshevism) analyzing the reasons of its adoption by the Russian public consciousness during a certain historical period. Critical analysis of this stage is based on the works of the famous Russian philosopher N. Berdyaev. The article studies the internal development, accumulation of the main ideas and contemporary understanding of the content of the Russian idea as one of the main aspects of understanding the Russian identity.

Keywords: Russian idea, Russian self-identity, crisis of religiosity of the Russian people, Marxism as a religion, Russian krestonoshenie, sobornost', Christian truth.

В отечественной социально-философской мысли недостаточно разработаны понятия «русская идентичность», «русскость», «национальный характер», «национальная идея». Все эти понятия имеют внутреннюю семантическую связь как ухватывающие и выражающие некую сердцевину, ядро, суть русской истории. Исследуя, разрабатывая эти понятия, можно не только приблизиться к пониманию логики русской истории, но и определить её перспективы.

Понятие «идентичность» вошло в философскую терминологию в середине XX в., однако стало активно использоваться в отечественных исследованиях с начала 80-х гг. и с этого времени набрало большую популярность. Отсутствие до определенного времени термина «идентичность» не означало, однако, что его смысловое содержание не рассматривалось, оно выражалось русскими философами с помощью других понятий. Так, появление в русской философии понятия «русская идея» как раз и говорило о начале осмысленного философского поиска русской идентичности.

Самоидентичность русского народа, прежде всего, внутренне ассоциировалась с неким идеалом, конечной целью, к которой она должна непременно прийти в процессе своего исторического развития. Поэтому её необходимой составной частью являлась

и является русская идея. В своём развитии русская идея (понятие, введенное В.С. Соловьевым) за весь период русской истории принимала различные формы. Её авторами, носителями были различные слои русского общества, что не могло не отразиться в содержании идеи.

В наиболее отчетливой форме русскую национальную идею формулирует в XVI в. псковский монах Филофей: «Москва – Третий Рим». В неё вкладывается мессианское чувство великого религиозного призвания русского народа. И оно, как отмечает Бердяев, «осталось в русском народе на протяжении столетий, претерпевая различные метаморфозы» [1]. Религиозный раскол XVII в. формирует целый пласт религиозного народного сознания староверов, убежденных в наступившем конце истории и воцарении антихриста, и, следовательно, в необходимости сознательного мученичества и бегства из этого царства.

В течение XVIII и в начале XIX вв. формируется и зреет русская национальная идея освобождения крестьянства от крепостной зависимости, освобождения народа, который сам явился великим победителем в Отечественной войне 1812 г. Поскольку выдвигаемая представителями дворянства идея содержит аспекты свободы и равных прав человека-христианина, она приобретает социально-политическую

окраску: наряду с требованием отмены крепостного права необходима замена монархии республикой.

XIX в. в России, пережитый ею как культурный ренессанс, дал различные идеологические течения в среде мыслителей. Сохраняя миссионерскую установку, они вносят в содержание национальной идеи новые черты: определения способа социальной организации российского общества и в этом контексте – выбора исторического пути в мировой истории. Борьба славянофильства и западничества, т. е. борьба между оправданием существования русской общины (как примера внутренней христианской организации), особого, отличного от Запада исторического пути развития России и обоснованием универсальности западноевропейского варианта развития и устройства общества, по сути, есть поиск ответа на вопрос «кто мы?», т. е. на вопрос о русской идентичности. В своеобразной форме ответ на этот вопрос предложен в сформулированной официально государственной идее, известной как уваровская триада: «Православие, самодержавие, народность», которую современники в разрез со смысловой нагрузкой декларируемых терминов расценивали как попытку «осторожной авторитарной европеизации России» [11, с. 116–124]. Православие в триаде декларировалось как сердце и душа России, самодержавие – как краеугольный камень всей российской государственности, а народность – как постижение истории и изучение, сохранение и развитие русского языка [11, с. 116–124].

«Русская идея» В.С. Соловьева представляла собой «экуменическую» веру в возможность и необходимость

объединения всех христианских народов под единой главой первосвященника, которому подчинены главы христианских государств, а христианские народы стали бы просвещать пророки [14]. Эта идея оказывается выражением идеи равноправия и равновеликости русского народа в сравнении с другими народами. Без такого понимания места России невозможна предложенная В.С. Соловьевым философия всеединства и соборности. Именно поэтому у Соловьева мессианизм как характерная черта русского сознания практически отвергнут, тогда как у Ф.М. Достоевского он получает своё максимальное выражение в понимании русского народа как богочеловека, русского человека – всечеловека, спасения мира через Россию и русский народ. Здесь, как видим, русская идентичность содержит в себе понимание своей избранности среди других народов, где русский народ и Россия занимают особое место. И, наконец, последняя, по словам Н. Бердяева, совершенно обезбоженная форма русской национальной идеи явилась в виде марксизма, коммунизма, большевизма, став идеологическим ядром русской идентичности. Остановимся на этом вопросе подробнее, исследуя причины такого превращения, а вернее, извращения содержания русской идентичности.

На первый взгляд, марксизм является теорией экономического детерминизма, которая объясняет, каким образом диалектическое развитие экономического фундамента неизбежно приведёт (при активной гегемонии пролетариата) к рациональному изменению надстройки. Как и в любой научной теории, в нём нет ничего

вдохновляющего, что могло бы привести в движение народные массы. Но случилось как раз наоборот, и именно это учение, переложенное на русскую, как казалось, совсем непригодную для этого почву, привело в вихревое, колоссальное движение российский, такой «религиозный» и общинный, народ. Н.А. Бердяев был одним из философов, которые предприняли попытку анализа причин, приведших к «чести» первого воплощения коммунизма в жизнь на русской почве. Главной и основной Бердяев называет неосуществление правды христианства в полноте жизни: «И потому явился коммунизм, как кара и напоминание, как извращение какой-то подлинной правды <...> То, что коммунизм благоприятно усвоили рабочими массами, виновно лжехристианство в первую очередь <...> Добро, которое не осуществляет себя в жизни, и превратилось в условную риторику, <...> прикрывает собой действительное, реальное зло и несправедливость, не может не вызывать против себя бунта и бунта справедливого...» [1]. Однако этого недостаточно. Что-то в природе самого учения коммунизма должно было способствовать этому. Коммунизм как учение стал новой религией, заменив собой христианство. У коммунизма обнаруживаются все признаки религии: претензия на абсолютную истину (марксизм, как учение, претендует на раскрытие истины истории, познание которой сделает человеческое общество свободным), эксклюзивность, свой катехизис и догматы, стремление на обладание всей человеческой душой до самой глубины. Коммунизм как религия требует веры, надежды на светлое будущее, вдохновляет на жертвы и подвиг во

имя этого будущего. В марксизме, как и в религии, есть свой «первородный грех» – эксплуатация человека человеком, класса классом. Обоснование борьбы между добром и злом у Маркса соотносится с обоснованием классовой борьбы между «буржуазией» и «пролетариатом». Есть свой мессия – пролетариат, призванный освободить всё человечество от страдания, гнета и несправедливости. Есть предметы веры: грядущее социалистическое общество и великое призвание пролетариата во всем мире. На мессианское призвание пролетариата перенесены свойства избранного народа Божьего: «Пролетариат у Маркса величайшая ценность, добро, справедливость, положительная мощь <...> Научным путем невозможно было прийти к такой идее. Эта идея религиозного порядка» [1]. Всемирная роль пролетариата как освободителя всего человечества оказалась созвучной мессианскому сознанию русского человека как всечеловека, призванного к всеобщему спасению мира. В коммунизме так же, как и в христианстве, есть острое чувство наступления рокового часа истории, мировой катастрофы – мировой революции, после которой начнется новая эра человечества.

Кроме того, коммунизм, как учение, предложил много привлекательного: политический строй, который будет выражать реальные хозяйственные нужды и интересы людей (мир – народам, землю – крестьянам, заводы – рабочим); упразднение частной собственности и узаконивание коллективной и государственной; идею планового хозяйства и преодоление национального эгоизма в сверхнациональной организации человечества.

Сила привлекательности коммунизма сказала также, отмечает Н. Бердяев, и в том, «что он имеет целостный замысел переустройства жизни мира, в котором теория и практика, мышление и воля слиты» [1].

Так встретились и соединились в русском народе, русском сознании два варианта мессианства: мессианства пролетариата и мессианства религиозного. Идеи коммунизма легли на почву христианской способности к вере и жертве, воспользовавшись религиозной энергией души. Вера в Бога сменилась верой в мифологему социального разума, социального коллектива, вождя и гегемона, в мессию – пролетариат, который и установит рациональное, могущественное царство свободы.

Если русская идея как конечная цель и идеал заключала в себе идею стояния в христианской истине (Москва – Третий Рим), то в коммунизме, трансформировавшись в идею освобождения всего человечества от гнёта и несправедливости, радикально изменила средства к достижению этой цели. Если в русском мессианском сознании изменение, преображение должно произойти внутренним путем, путем стояния в истине, через изменение человеческой личности, то у марксистов – путем насилия над личностью, путем прогресса и устройства пролетарско-социалистического земного рая в некоем будущем. Для этого обезличенного будущего все живущие – лишь средства. Вместо духовного соборного единства коммунизм предложил насильственное соединение из страха гибели, вместо Бога – самообожествление, вместо уникальной внутренней сущности личности и индивидуального предназначения каж-

дого лица в мировой гармонии – уравнение в качестве полезных единиц для однородной общественной пользы.

Творцами русской идеи в разное время являлись представители разных слоев русского общества: инок Филофей, староверы, среди которых и духовенство, и бояре, и простые люди (крестьяне), декабристы (дворяне), представители русской государственности (министр просвещения С. Уваров), философы (В. Соловьев, Н. Бердяев, И. Ильин), русские писатели (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), и русская революционная интеллигенция (Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Д. Писарев, А. Герцен, Г. Плеханов, В. Ленин). Вероятно, причина свержения русского национально-го самосознания с «небес на землю» (от инока Филофея до Ленина) кроется во внутренней массовой апостасии русского народа от истин христианства, в отсутствии воплощения этих истин в реальность теми людьми, от которых это зависело. Причиной такой метаморфозы мог стать простой логический посыл: раз невозможно установить справедливость с христианской верой, попробуем без неё и с новой коммунистической верой. Русские марксисты, усвоив ошибки предшественников, заговорили с народом на их языке, уловили его в сеть собственных земных интересов, сыграли на простом, материальном, утилитарном и даже преступном: грабь награбленное, экспроприируй экспроприаторов.

Идеи, формирующие любую идеологию, не являются неизменными. 70 лет существования «русского коммунизма» продемонстрировали воплощение теории марксистских мыслителей в жизнь в соответствии с коммунистическим символом веры [8]. Требование деидеологизации рос-

сийского общества в 90-е гг. XX в. стало выражением желания избавиться прежде всего от коммунистической идеологии, как потерявшей свое нумеральное значение [5]. Отказавшись от коммунистической идеологии, мир российских идей оказался передовой линией «духовных сражений» [9]. Часть философов считает, что уникальность сложившейся ситуации в духовной жизни России состоит в том, что она не сможет сохраниться в качестве исторически значительной величины, если не сумеет создать в кратчайшие сроки идеологическую сферу, сопоставимую по интеллектуальному уровню и по организации с той, которая имела место в советские годы [6; 9]. Другие считают, что идеологический коллапс, пережитый Россией, освободил место для религиозного возрождения, православие приняло эстафету у идеологии [7]. Склоняясь ко второму мнению, можно предположить, что русская идентичность по своему идеологическому критерию могла перейти из периода апофатического существования к периоду катафатическому [5]. Возможно, причиной массовой апостасии в период революции и после неё были незнание Бога и уклонение от Него. Также, возможно, русская идентичность переходит к эпохе Святого Духа, о которой писал Н.А. Бердяев [4]. И как было обещано израильскому народу, что придет время, когда всякий будет знать Бога [10], так и российская

действительность ожидает наполнения божественной гармонией, свободой и разумом. Во всяком случае, один из важнейших признаков российской гармонии и синергии сегодня налицо – единодушие народа и первого лица.

Таким образом, русская идентичность за всё время русской истории вместила в себя комплекс идей, обуславливающих и предполагающих друг друга: идею стояния в христианской истине и мученичества за истину, идею свободы и равных прав человека, идею соборности, ответственности, единства, официальную идею примирения и единства национальной элиты и граждан через единую веру и государственность, идею русского крестоношения как примера пути спасения для всего мира, идею христианского всеединства и, наконец, идею построения коммунизма как воплощение возможности построения Царства Божьего на земле. Сердцем русской идентичности в ходе её развития и трансформации является христианство, учение о любви, о справедливости. Всё, что в разное историческое время выражала русская духовная и интеллектуальная мысль, было пронизано верой в возможность воплощения ценностей духа в конкретной истории на земле. Думаем, что и сегодня русская идентичность не откажется от своего сокровенного замысла. Многогранность русской идеи как нерва русской идентичности, её «пульсации», жизненная органика, продолжают жить и развиваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Правда и ложь коммунизма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odinblago.ru/path/30/1/> (дата обращения: 15.10.2015).
2. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 399–582.

3. Бердяев Н.А. Социализм как религия. [Электронный ресурс]. URL: http://odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/berdyaev_socializm_relig. (даты обращения: 09.11.2015).
4. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
5. Бондарева Я.В. Принцип символического реализма как единство апофатического и катафатического богопознания (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 2 (электронный журнал). URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/72> (дата обращения: 24.07.2016).
6. Зиновьев А.А. Русская трагедия (Гибель Утопии) [Электронный ресурс]. URL: <http://croquis.ru/3662.html> (дата обращения: -15.07.2016).
7. Перфильева А.А. Религиозная составляющая национальной идентичности как инструмент противодействия глобализационным и вестернизационным тенденциям в современном политическом процессе // Национальная идентичность России и демографический кризис материалы Всерос. науч. конф., М., 20–21 октября 2006 г. . М., 2006. С. 537–541.
8. Песоцкий В.А. Художественная литература и идеология (Статья первая: Природа и сущность идеологии, идей, идеалов и принципов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2008. № 2. С. 36–52.
9. Песоцкий В.А. Художественная литература и идеология: основные характеристики их взаимодействия (Статья вторая) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2008. № 2. С. 52–72.
10. Послание к Евреям 8: 10–11 // Библия. Новый Завет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/heb/8> (дата обращения: 26.07.2016).
11. Сендеров В.А. «Православие. Самодержавие. Народность». Европейский проект для России // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 116–124.
12. Семаева И.И. Поиск идентичности: Русская религиозная философия XX века и её духовные основания: монография. М.: Изд-во Московского государственного областного университета, 2012. 220 с.
13. Семаева И.И. Русская философия: истоки своеобразия // Философские науки. 2012. № 4. С. 50–60.
14. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 789 с.

REFERENCES:

1. Berdyaev N.A. Pravda i lozh' kommunizma [Elektronnyi resurs] [Truth and Lies of Communism URL: <http://www.odinblago.ru/path/30/1> (request date 15.10.2015).
2. Berdyaev N.A. Russkaya ideya: osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka [The Russian Idea: Basic Problems of the Russian Thought of the 19th – early 20th centuries] / Berdyaev N.A. Izbrannye trudy. / [Berdyaev N. Selected works]. М., Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010, pp. 399–582.
3. Berdyaev N.A. Sotsializm kak religiya. [Elektronnyi resurs] [Socialism as a Religion [Electronic source]]. URL: http://odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/berdyaev_socializm_relig (request date 09.11.2015).
4. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii [The Fate of Russia]. М., Sovetskii pisatel', 1990. 346 p.
5. Bondareva Ya.V. Printsip simvolicheskogo realizma kak edinstvo apofaticheskogo i katafaticeskogo bogopoznaniya (k voprosu o metodologicheskikh osnovaniyakh russkoi religioznoi filosofii) [The principle of symbolic realism as a unity of apophatic and cataphatic knowledge of God (to the issue of methodological foundations of Russian religious philosophy) // Bulletin of Moscow Region State University (E-journal). 2011. No 2. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/72> (request date 24.07.2016).

6. Zinov'ev A.A. Russkaya tragediya (Gibel' Utopii). [Elektronnyi resurs] [Russian Tragedy (the Death of Utopia) [Electronic source]]. URL: <http://croquis.ru/3662.html> (request date 15.07.2016).
7. Perfil'eva A.A. Religioznaya sostavlyayushchaya natsional'noi identichnosti kak instrument protivodeistviya globalizatsionnym i vesternizatsionnym tendentsiyam v sovremennom politicheskom protsesse [The religious component of national identity as a tool against globalization and westernized trends in the modern political process] // materials of all-Russian scientific conference (Moscow, October 20–21, 2006), The National Identity of Russia and Demographic Crisis. M., 2006. pp. 537–541.
8. Pesotskii V.A. Khudozhestvennaya literatura i ideologiya (Stat'ya pervaya: Priroda i sushchnost' ideologii, idei, idealov i printsipov) [Literature and ideology (Article I: the Nature and essence of ideology, ideas, ideals and principles)] // [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy]. 2008, no. 2, pp. 36–52.
9. Pesotskii V.A. Khudozhestvennaya literatura i ideologiya: osnovnye kharakteristiki ikh vzaimodeistviya (Stat'ya vtoraya). [Literature and ideology: the main characteristics of their interaction (Article II)] // [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy]. 2008, no. 2, pp. 52–72.
10. Poslanie k Evreyam 8: 10–11 // Bibliya. Novyi Zavet [Elektronnyi resurs] [The Epistle to the Hebrews 8 : 10–11 // The Bible. In The New Testament [Electronic resource]]. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/heb/8> (request date 26.07.2016).
11. Senderov V.A. «Pravoslavie. Samoderzhavie. Narodnost'». Evropeiskii proekt dlya Rossii [“Orthodoxy. Autocracy. Nationality”. The European Project for Russia] // Voprosy filosofii, 2013, no. 10, pp. 116–124.
12. Semaeva I.I. Poisk identichnosti: Russkaya religioznaya filosofiya XX veka i ee dukhovnye osnovaniya: monografiya [The Search for Identity: Russian Religious Philosophy of the 20th Century and its Spiritual Foundations: a monograph]. M., Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, 2012. 220 p.
13. Semaeva I.I. Russkaya filosofiya: istoki svoeobraziya [Russian philosophy: the origins of originality] // Filosofskie nauki, 2012, no. 4, pp. 50–60.
14. Solov'ev V.S. Russkaya ideya [Russian Idea] / Solov'ev V.S. Izbrannoe / Solovyov V.S. Selected works]. M., ROSSPEN, 2010. 789 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимошин Александр Сергеевич – аспирант кафедры философии Ульяновского государственного технического университета;
e-mail: lagger-2@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander Timoshin – Postgraduate Student at the Department of Philosophy at Ulyanovsk State Technical University;
e-mail: lagger-2@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Тимошин А.С. В поисках русской идентичности: экскурс в историю русской философско-социальной мысли // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки, 2017. № 1. С. 112-120.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-112-120

CORRECT REFERENCE

A. Timoshin In Search of Russian Identity: an Excursion into the History of Russian Philosophical and Social Thought // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy, 2017, no. 1, pp. 112-120.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-112-120